

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

«Приватизация» насилия и информационная война в XXI веке

*Шульц О.С.**

«Есть конфликты, в которых вражда настолько яркая, а недоверие настолько глубокое, что никакая умелая дипломатия не сможет обеспечить прорыв».

Кофи А. Аннан

Звучит не очень-то оптимистично. И тем не менее мировое сообщество не хочет и не может быть бесстрастным наблюдателем трагического развития событий, в каком бы уголке Земли они ни развернулись. Сегодня нормы международного гуманитарного права (далее МГП) пропитаны пониманием необходимости мирного существования, уважением человеческой жизни (ст. 5, 7 Всеобщей декларации прав человека, ст. 1 Конвенции о предупреждении преступного геноцида и наказании за него и т.д.). Именно поэтому все возрастающее значение имеет ценностный подход к толерантности, нацеленный на скорейший переход от «культуры насилия и войны» к «культуре мира и ненасилия» в XXI веке. В этом состоит смысл и назначение миротворчества. Международные организации, государства, общественные движения направлены на предупреждение и урегулирование вооруженных конфликтов. По мнению некоторых политиков, есть веские основания полагать, что переход к миру в раздираемых войной обществах может оказаться более сложным, чем ранее. Учитывая глубокие социальные корни и практически лежащий на поверхности общинный характер

* Шульц Ольга Сергеевна – аспирантка кафедры международного права МГИМО (У) МИД России.

конфликтов в таких регионах, как Балканы, Кавказ, Центральная Африка, Чечня, можно считать их окончательное завершение гораздо более трудным делом. К тому же остается открытым вопрос: будут ли готовы могущественные державы, все более склонные заниматься своими собственными делами, инвестировать политические и финансовые ресурсы для поддержания процесса миростроительства в этих и других беспокойных точках планеты? К сожалению, «вооруженные конфликты легче предотвращать, чем прекращать», а «выиграть войну легче, чем выиграть мир». Практикой доказано, что в решении вопросов мира не существует стандартных моделей или заготовок. Глядя на такие раздираемые войной страны, как Афганистан, Босния, Гватемала, Мозамбик, понимаешь, что обстоятельства, приводящие к бесконечным межобщинным конфликтам и гражданским войнам и впоследствии к их окончанию, весьма неодинаковы. «Тот факт, что даже самые лучшие превентивные стратегии могут не оправдать наших ожиданий, означает, что мы никогда не сможем полностью избавиться от бедствий войны»¹.

Страницы человеческой истории красноречиво говорят о том, что «культура войны» была порождена комплексами разделенного мира, когда на протяжении многих веков люди, целые нации, государства вынуждены были приспосабливаться к жизни в условиях противоборства, беспрестанного соперничества, войн. Тревогу и опасения вызывает тот факт, что миротворчество зачастую становится сферой соперничества не только между отдельными государствами, но и между ООН и региональными организациями. Подобные столкновения ставят под угрозу авторитет ООН и сами цели, преследуемые международным гуманитарным правом – уменьшение бессмысленных страданий, насилия, смягчение жестокости, не вызванной военной необходимостью, защита во время войны прав человека, в особенности прав ребенка. Все чаще встречается точка зрения, что миротворческие усилия не устраняют причины конфликта, а только переводят его в русло, где нет места для взаимопотребительской войны, и как следствие – резко возросшая активность экстремистских и террористических элементов и организаций (взрывы зданий посольств США в Танзании, ракетные удары по объектам, расположенным на территории Афганистана и Судана, печальные события, осквернившие «символы американской

¹ Кофи А. Аннан Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов: годовой доклад о работе Организации за 1999 г.

свободы»)). Однако с учетом ограниченности ресурсов Всемирной организации в условиях высокого спроса на операции по поддержанию мира приоритетной областью должно быть взаимодействие и разделение труда между ООН и региональными структурами. К тому же ООН должна быть местом, где все ее члены обсуждают и решают международные дела демократическими средствами. Такое сотрудничество должно выстраиваться в строгом соответствии с главой VIII Устава ООН, при полном соблюдении прерогатив Совета Безопасности. А «Параметры миротворчества ОБСЕ в широком смысле – от предотвращения конфликтов до операций по поддержанию мира и постконфликтного восстановления – предстоит определить в Хартии европейской безопасности»².

В настоящее время ведется не менее 35 гражданских войн и еще больше конфликтов меньшей агрессивности. Достаточно вспомнить вооруженное столкновение между представителями пуштунских племен, населяющих область Мусахейль к западу от города Хосте. Ежедневно там нарушаются ст. 4 Всеобщей Декларации прав человека, ст. 7 Положения о законах и обычаях сухопутной войны, ст. 13 Дополнительного протокола № 2 к Женевским конвенциям и многие другие международно-правовые документы, соблюдение которых является незыблемой обязанностью государств-участниц. Подобными нарушениями отличился и XX век. Примером служат силовые акции одностороннего характера, предпринятые США в Афганистане и Судане. Как было отмечено в заявлении МИД России, такие действия не могут не вызывать глубокой озабоченности. Такие действия могут создать опасный прецедент в международной практике решения спорных вопросов, что подрывало бы всю правовую основу современных международных отношений. Вспоминается также Югославский прецедент – накануне силовой операции НАТО ее целями провозглашались устранение «гуманитарной катастрофы» и обеспечение безопасности населения Косово при сохранении территориальной целостности северного региона Югославии. По ходу же нарастания военных действий стали вырисовываться все признаки замаскированной формы экспансии в отношении этого государства. Не вызывает сомнения тот факт, что стимулирование пропагандистскими структурами некоторых государств НАТО на протяжении ряда лет кризиса в Косово, а перед началом войны и симуляция «гуманитарной катастрофы» были призваны

² Иванов И.. Концепция мира в XXI веке // Международная жизнь. № 1. 1999.

оправдать вооруженное вмешательство во внутренние дела государства для решения промежуточной задачи альянса – оккупации Косово. Сторонники «вмешательства по гуманитарным причинам» стремились к широкому толкованию источников международного права и считали целесообразным учитывать не только букву закона, но и дух международно-правовых документов. При этом они ссылались на преамбулу ст. 1(3) и на ст. 55 и 56 Устава ООН, согласно которым государства-члены взяли на себя обязательство «предпринимать совместные и самостоятельные действия» для утверждения «всеобщего уважения прав человека и основных свобод для всех». Отсюда делался вывод, что Устав ООН, по существу, якобы предусматривает такое вмешательство. Однако неоспоримым является то обстоятельство, что ни в одном международно-правовом документе не говорится, что с целью недопущения нарушения прав человека какое-либо государство либо союз государств правомочны применять силу без санкции Совета Безопасности ООН. Более того, существует пресловутый запрет репрессалий.

Безусловно, международные санкции есть форма ответственности государства, силовой способ заставить его следовать определенным нормам. **Но, во-первых, вопрос о санкциях почти всегда становится предметом столкновения различных позиций, а во-вторых, он входит в сферу политики, где далеко не все поддается правовому регулированию.** Военная машина блока использовалась в Косово для целенаправленного разрушения мостов, больниц, храмов, железнодорожного полотна. Были уничтожены здания посольств КНР в Белграде, подвергнут бомбежке радиотелевизионный центр Югославии, в котором погибли 16 работников и 16 получили ранения. Таким образом, были нарушены нормы Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей. Имел место факт грубого и жестокого обращения с гражданским населением в нарушение Женевской конвенции 1949 г. В июне 2000 г. международная правозащитная организация Международная амнистия составила доклад, в котором квалифицировала бомбовые удары натовской авиации по гражданским объектам как серьезные нарушения МГП – военные преступления. Подобные действия осудили Россия, Китай, Индия, в то время как в столицах Североатлантического блока доказывали их правомерность. Натовское руководство расценило свои действия как правомерные, признав Центр органической военной пропаганды. Однако, по мнению Международной амнистии (МА), никаких доказательств в пользу такого использования Центра

в военных целях приведено не было. Согласно п. 2 ст. 52 Дополнительного Протокола № 1, Центр по своему обычному назначению и реальному использованию являлся гражданским объектом. Протокол запрещает нападение на такие объекты. Проведя расследование отдельных случаев нарушения норм МГП и квалифицируя их как военные преступления, МА заявила, что она избегает каких-либо моральных оценок. НАТО должно самостоятельно провести расследование правонарушений при содействии Комиссии по установлению фактов. К тому же три влиятельных государства – члены НАТО: США, Франция, Турция – до сих пор не ратифицировали Дополнительный Протокол №1 и не считают для себя обязательным соблюдение соответствующих норм МП. Их действия вступают в противоречие с «оговоркой Мартенса»³, означающей, что, если какие-либо нормы или какой-либо случай не предусмотрен действующим договорным правом из-за пробела в праве или потому, что стороны не признают для себя обязательной общую ст. 3 Женевских конвенций или Дополнительные протоколы к ним, это вовсе не означает, что им все дозволено.

К числу крупномасштабных вооруженных конфликтов XX века относятся в полной мере конфликты между Индией и Пакистаном, конфликты в Азербайджане, Лаосе, Таджикистане, Боснии и Герцеговине. Последние два рассматриваются аналитиками как наиболее разрушительные и повлекшие за собой наибольшее число жертв. Долго еще останутся незабытыми известные кладбища-музеи в районах Грин Гуса, Сан Карлоса, Флурой на острове Пиббл-Айленд, бывшие поля сражений между Аргентиной и Великобританией за Фолклендские острова. Можно вспомнить также бесчисленные жертвы среди гражданского населения Ирака, когда действия Саддама Хусейна по отказу допускать на территорию страны в 1998 году инспекторов создали почву для вооруженного конфликта. «Политический футбол» между Америкой и Ираком заставил страдать многонациональный народ. К сожалению, «великие мира сего» зачастую забывают о том, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»⁴.

Тактика, включающая откровенные зверства, систематические изнасилования, захваты заложников с целью дальнейшего их использо-

³ Оговорка впервые была внесена в Преамбулы Гаагских конвенций в 1899 и 1907 гг.

⁴ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Ст. 1.

вания в качестве рабочей силы, имеет место до сих пор. Чечня тому является наглядным подтверждением. Соответственно продолжают нарушаться основные права и свободы человека. В наибольшей степени печально сознавать, что сегодня как никогда нарушаются права ребенка. Чечня, Конго, Уганда – далеко не полный перечень стран, где в боях с оружием в руках участвуют дети в возрасте чуть больше десяти лет. По этой причине в Женеве был принят новый международный согласованный Протокол, запрещающий использовать детей в вооруженных конфликтах. Исполнение условий этого договора будет контролироваться и регулироваться согласно Конвенции о правах ребенка 1989 г. По данным Конвенции, в разных странах минимальный возраст солдат должен составлять от 15 до 18 лет.

Для того чтобы предпринять усилия, направленные на искоренение войн, необходимо установить их истинную причину. **(Если таковая имеется. Речь идет о жестокой необходимости решения демографической проблемы. Проект «золотого миллиарда»).** Недавний опыт показал, что внутригосударственные войны не обязательно заканчиваются с прекращением или ослаблением поддержки из-за рубежа; они необязательно прекращаются и тогда, когда гражданское население оказывается перемещенным или доведено до полной нищеты. Одной из причин такого развития событий является то, что при отсутствии помощи извне вооруженная оппозиция и местные военачальники оказываются способными создавать своего рода извращенную «военную экономику» с целью дальнейшего расширения своей деятельности. В Афганистане, например, за последние десятилетия возделывание опиумного мака более чем удвоилось, а производимые из него наркотики стали важным стратегическим ресурсом для финансирования ведущихся в стране военных действий. В Анголе, Камбодже, Сьерра-Леоне, Либерии военные группировки укрепляли свое положение и даже обогащались благодаря хищнической эксплуатации природных ресурсов, таких как каучуки, драгоценные камни. В подобных случаях изменилось даже назначение «тактики насилия». В то время как стороны конфликта могут по-прежнему выдвигать в качестве причин вооруженной борьбы социальные, политические, идеологические, мотивы, их устремления направлены на незаконное обогащение.

«Военная экономика» не исчезает с подписанием официальных соглашений о мире и принятием крупномасштабных программ помощи и постконфликтного восстановления. Как это ни печально, но вся ис-

тория развития человеческого общества свидетельствует: мирных лет на нашей планете было куда меньше, чем военных. Если провести сравнительный анализ войн периода возникновения государства и современного этапа развития человечества, то можно утверждать, что коренным образом стали иными лишь средства ведения войны – от копья и меча до нейтронного оружия. **Хотя это утверждение довольно-таки спорно.** И еще один аспект хотелось бы выделить. Войны ведутся людьми, как правило, находящимися на государственной службе. Судя по некоторым публикациям, эта сторона проблемы остается без внимания, в результате чего зачастую складывается неверное предположение, что нетрадиционную войну (так называемую «цивилизованную», «бескровную», «информационную») может развязать любой, кто владеет нетрадиционными средствами борьбы. А ведь на деле все обстоит иначе. Одиночка, фанатик, даже в лице первого человека в государстве, не сможет развязать, а тем более вести войну, если в стране создана система противовесов. В данном случае формула Клаузевица остается верной, так как любой войне предшествует проводимая политика. И если политика того или иного государства грозит опасностью другой стороне, более того, противоположная сторона предпринимает какие-то шаги, направленные на подрыв ее безопасности, то в данном случае международное право санкционирует возможность применения адекватных мер⁵ (п. 4 Декларации от 16 декабря 1970 г.).

В конце XX века резко возросло количество мелких вооруженных конфликтов, значительно расширилась их география. Вместе с тем сегодня мы имеем и крупномасштабные войны. В ближайшем будущем одной из причин возникновения наиболее острых социально-политических и экономических противоречий в мире останется борьба за энергоносители. Формирование современной концепции военных конфликтов требует нового взгляда на соотношение вооруженных и невооруженных форм борьбы, прямых и опосредованных действий в достижении военно-политических целей. К тому же сильные изменения претерпевают способы и оружия борьбы. По данным сотрудников Института естественных научных исследований США, в будущем повысится эффективность «несмертельного оружия». Создано акустическое оружие, способное поражать противника с помощью громкого

⁵ Кириллов В.В. Нетрадиционные войны: есть ли у них будущее? // Ориентир. № 4. 2000.

звука. Используемые микроволны способны разрушить системы связи и компьютерные сети противника. Такое оружие может быть применено по назначению в «информационной войне». В США разработана мина, разрыв которой не наносит ранений, но распространяет аэрозоль, способный вызвать зуд или усыпить противника. Остается открытым вопрос о том, насколько безвредно вышеупомянутое оружие для человеческой жизни и как оно в дальнейшем будет воздействовать на окружающую среду (далее ОС). Ведь если аэрозоль приводит к усыплению противника, то целесообразно предположить, что он выделяет удушливые газы, которые Протокол 1925 г. относит к запрещенным средствам ведения войны. При этом следует учитывать и крупномасштабные геополитические изменения. По мнению генерал-майора запаса Г.С. Шевченко, современная классификация войн должна позволять оценивать роль и место военной силы в системе международных отношений⁶. В зависимости от политических целей, состава противоборствующих сторон, масштабов вооруженной борьбы и правового статуса военные конфликты следует классифицировать:

- 1) по масштабу и размаху военных действий (вооруженные конфликты, региональные и мировые войны);
- 2) по средствам ведения (с применением ядерного оружия или обычных средств поражения);
- 3) по видам (оборонительные и наступательные);
- 4) по составу сторон (коалиционные и некоалиционные).

Данную классификацию нельзя считать исчерпывающей. Ведь если вооруженный конфликт стал следствием умышленного причинения вреда одним государством экосистеме другого государства, то среди оснований можно выделить наряду с другими факт причинения вреда ОС. Оценка характера современной войны, анализ ее содержания имеют большое значение для МГП, поскольку определяют мероприятия по переводу страны с мирного на военное время. Одним из таких мероприятий было, есть и будет ядерное разоружение! «Гонка ядерных вооружений должна быть остановлена и повернута вспять совместными усилиями, путем переговоров, имеющих в качестве конечной цели полную ликвидацию ядерного оружия»⁷. Однако

⁶ Чебан В. Современное международное положение и военная безопасность в России // Ориентир. №5. 2002.

⁷ Декларация о предотвращении ядерной катастрофы от 9 декабря 1981 года.

в перспективе возможно появление новых нестабильных ядерных регионов, таких как Индо-Пакистанский, Дальневосточный, Ближне- и Средневосточный. Несмотря на то, что в 1995 году был бессрочно продлен договор о запрещении ядерного оружия в атмосфере, под землей и под водой, уже видно, что установленный им режим недостаточно эффективен, так как ряд стран тайно создали ядерные арсеналы (Израиль, Индия, Пакистан). Некоторые государства находятся на пороге его создания (Южная Корея, КНДР, Иран). Другие по собственному решению прекратили разработки, создав (ЮАР) или приблизившись к созданию ядерного оружия (Германия, Бразилия). «Ракетно-ядерный паритет сам по себе без политических усилий всех стран не может обеспечить отказ от использования военной силы. И всеобщее осознание губительности ядерного оружия было и остается сдерживающим фактором применения военной силы в широких масштабах. Ядерное сдерживание, с одной стороны, обеспечивает способность государства не допустить безнаказанного нападения агрессора путем угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба, а с другой стороны – снижает уровень ядерных вооружений и открывает дорогу к «ядерному миру». Да, ядерное оружие не предотвратило многие войны и конфликты, но его наличие не допустило перерастания холодной войны, конфронтации СССР и США, ОВД и НАТО в вооруженное столкновение»⁸.

Печально, что, рассуждая о человеческих жертвах, мы зачастую забываем о том, насколько значительный урон природе планеты наносят вооруженные конфликты. Например, в ходе войны в Персидском заливе в 1991 году общее количество нефти, которое было разлито, составило самую большую утечку за все времена. Предполагается, что реальная цифра колеблется между семью и девятью миллионами баррелей. В результате пострадало 400 километров побережья Саудовской Аравии, а также южное побережье Кувейта. Последствия экологического кризиса чувствовались в прочих государствах региона: в Бахрейне, Катаре, ОАЭ и т.д. Во время активных вооруженных действий в Чечне федеральные силы разбомбили пять химических заводов, находившихся на территории республики. Отравленные вещества посредством реки Терек вылились на Каспий и явились причиной дальнейшего загрязнения водного бассейна. Вышеназванные факторы являются наглядным примером необходимости международного сотрудничества в области охраны окружающей среды во время воору-

⁸ Мусатов М. Фактор стабильности // Ориентир. № 4. 2001.

женных конфликтов. С другой стороны, действия государства, которые отрицательно сказываются на природе соседних стран, могут серьезно осложнить отношения между ними. Неблагополучное состояние окружающей среды само по себе редко становится единственной причиной внутреннего и международного конфликта, тем не менее оно может стать важным звеном в цепочке причин, приводящих к конфликту и играющих роль катализатора. Так складывается, что ухудшение экологической обстановки может быть как следствием, так и причиной того или иного вооруженного конфликта.

Все вышеупомянутое лишь доказывает необходимость консолидации норм и принципов МГП и МПОС.

По этой причине специальный принцип МПОС – запрет военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, запрещающий нанесение ущерба или причинения вреда – как норма закреплен в Конвенции 1977 г. и Дополнительном протоколе № 1 к Женевским конвенциям 1949 г. – источниках МГП. Обратимся к тексту ст. 15 Конвенции СНГ от 26 мая 1995 г. В ней сказано: «В целях обеспечения эффективного осуществления права на охрану здоровья Договаривающиеся стороны обязуются принимать соответствующие меры, направленные на: устранение в максимально возможной степени причин ухудшения здоровья, обеспечение санитарно-гигиенических условий, предотвращающих возникновение эндемических и других заболеваний». На мой взгляд, нормы данной статьи конкретизируют положения Принципа 3 Декларации 1992 г., принятой в Рио-де-Жанейро, который гласит, что «право на развитие должно осуществляться таким образом, чтобы адекватно удовлетворять потребностям нынешнего и будущего поколений в областях развития и охраны окружающей среды».

Поскольку данные отрасли МП тесно соприкасаются, имеют общие источники и принципы, более того, их «нормы направлены на воспитание «культуры мира», мне представляется целесообразным выработать в рамках данных отраслей права единую систему санкций в отношении государств, чьи действия преднамеренно или косвенно разрушают чистоту и целостность экосистемы.

Подытожив все вышесказанное, было бы справедливым сравнить вооруженный конфликт (даже если он был порожден экологической обстановкой) со вторым концом веревки, первым концом которой является приватизированное мировой ментальностью насилие.

Очевидным представляется тот факт, что МГП в XXI веке претерпит существенные изменения, поскольку меняются способы развязывания войны. Видоизменяется и само определение понятия «война». Значительно повышается роль «экономической», «дипломатической», «бескровной» и «психологической» борьбы. Сегодня на слуху понятия «информационная война» и «несмертельное оружие». Хотя пока не сложилось единое мнение относительно признания явления «информационной войны». Военные теоретики и правоведы много рассуждают над тем, должны ли нормы МГП регулировать отношения, в которых выступают государства – участники «информационной войны». Попытаемся это выяснить на примере разных точек зрения. Первая точка зрения принадлежит полковнику О.Н. Калиновскому⁹. В последние годы не только в публицистике, но и в научных статьях к слову «война» добавляется какой-либо эпитет. Началось все с холодной войны, а сегодня это уже «информационная», «дипломатическая», «экономическая» война. А нужно ли и допустимо ли такое расширенное толкование? По мнению автора, со сторонниками новой трактовки войны можно согласиться лишь в том, что сегодня информационная составляющая в вооруженных столкновениях становится все весомее. Вполне допустимо также вести речь об информационной борьбе как о явлении, которое не вписывается в рамки сугубо военной терминологии, а значит, требует разработки своего понятийного аппарата. Но зачем при этом разрушать устоявшуюся взаимосвязь понятий «война», «военное насилие»? Судя по всему, для того, чтобы сыграть на чувствах, которые неизбежно возникают у любого человека при упоминании войны (кровь, разлука, людские страдания). Утверждается, что «информационная война» сопоставима с «горячей» по своему воздействию на общество, государство и ведется с особой жестокостью. А не лучше ли в таком случае просто говорить об ожесточенной информационной борьбе, не используя столь сильно воздействующее на сознание человека понятие, каковым является война, и все, что с ним связано? Возможно, тогда потеряется смысл того, ради чего затевался весь сыр-бор: пересмотреть взгляды на традиционное понимание войны. Кроме того, правомерно ли подходить с одной меркой к последствиям, которые несет реальная война и «информационная»?

⁹ Хрусталеv Е., Цымбал В. Военная безопасность России: замыслы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. № 1. 2001.

Помимо всего прочего, употребление термина «информационная война» вызывает ряд вопросов сугубо правового толка. Общеизвестно, что война, сколько бы она ни длилась, всегда имела четко ограниченные временные рамки: начиналась первым кровопролитием (де-факто) и объявлением состояния войны (де-юре), а заканчивалась прекращением боевых действий и заключением мира. Как быть в таком случае с «информационной войной»? Во-первых, она никем и никогда официально не объявлялась. Во-вторых, если она уже идет, то не следует ли ввести военное положение со всеми его атрибутами? Наконец, будет ли когда-либо заключен информационный мир, или человечество обречено воевать до скончания веков? Можно, конечно, отмахнуться от этих «наивных» вопросов, но всегда важно помнить, что новый термин или новая трактовка уже известного понятия должны органично встраиваться в фундамент той или иной отрасли права. Недооценка опасна достаточно конкретными последствиями, а переоценка способна привести к смещению приоритетов в выборе средств обеспечения национальной безопасности: сделав упор на развитие модного и более дешевого «информационного оружия», мы потеряем один из главных инструментов защиты национальных интересов – Вооруженные Силы (далее – ВС). Что касается «информационной войны», лучше считать этот термин своеобразным журналистским штампом.

Изучив данную проблему, я хотел бы заметить, что в будущем наличие «информационной войны», не будет являться единственным фактором, представляющим угрозу для ВС. Бюджетный комитет Конгресса США прогнозирует дефицит бюджета в 2003 году на сумму свыше 145 млрд. долларов¹⁰. В 2002-2005 гг. бюджетные расходы в США будут превышать доходы. Единственное политическое оправдание этому – необходимость реформирования и перевооружения ВС.

Обратимся ко второму мнению по данному вопросу. С точки зрения китайских военных аналитиков, будущая война будет представлять собой бескомпромиссную борьбу в информационной сфере¹¹. Такая война охватит всю совокупность военных, политических и экономических аспектов человеческой жизнедеятельности. Люди, участвующие в информационной войне, по своему положению отнюдь не солдаты (комбатанты). Однако они могут принимать стратегические ре-

¹⁰ Могилевский В. Общество: динамичный портрет и опасные тенденции развития // Безопасность Евразии. № 2. 2002.

¹¹ Гулаев С. Новые параметры угроз и безопасности // Ориентир. № 1. 2002.

шения в качестве персонала так называемых мозговых центров, основа которых – специалисты высочайшей квалификации в области информационных технологий. Скорейшая мобилизация личного состава вооруженных сил в период развития конфликтов теряет свою актуальность. Вместо этого предусматривается мобилизация информационных центров и вступление их в войну первыми. Воздействие на противника может осуществляться косвенным путем, например через Интернет. В этом случае противоборствующей стороне не всегда удастся определить, что это: несанкционированный доступ в информационную сеть компьютерного характера или происки врага. Такой уровень действий предусматривает наличие у каждого «солдата» независимости и инициативы.

Если все же термин «информационная война» займет свое место в системе МГП, то возникнет необходимость пересмотра положений о применимости международных стандартов к военным служащим и к оборонной деятельности в целом. Кроме того, предполагается коренное изменение традиционных форм и способов вооруженной борьбы, утверждение приоритета концепции «информационной войны». Информационные технологии – это ключ к овладению всеми другими технологиями стремительно развивающегося мира. Поэтому введение информационного противоборства перестало быть занятием исключительно ВС. В настоящее время новые концепции ведения войны быстро завоевывают себе право на жизнь. Качество, количество и скорость передачи информации представляют ключевые элементы информационного превосходства.

«Информационное оружие» может использоваться для нанесения урона как активным, так и пассивным системам опознавания противника, с наибольшей эффективностью выводить из строя его боевые средства. **Кровавый характер войны сменяется бескровной конфронтацией информационных систем.** Это, возможно, приведет к тому, что такие важные ныне международные документы, как Договор об обычных вооруженных силах в Европе, Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны и т.д., потеряют свою актуальность и будут пересмотрены? Военные аналитики КНР, формулируя понятие «информационная война», трактуют его в узком и широком смысле слова. **В узком смысле «информационная война»** – это полевая информационная война, т.е. боевые действия в сфере

управления войсками. Сюда входят активное использование средств разведки, мероприятия по введению противника в заблуждение и оперативной маскировке, психологические операции, последовательное поражение его информационных систем, систем боевого управления и связи. **В широком смысле слова** информационная война – это боевые крупномасштабные действия с преобладанием информационной составляющей, характеризующиеся применением специально предназначенных для ее ведения воинских формирований и высокоточного оружия. Если основным средством достижения успеха на поле боя в XX веке были танки, то в будущем им станет компьютер. Это, в свою очередь, подразумевает применение компьютерных вирусов, способных разрушать программное обеспечение технических средств органов боевого управления и связи, инициировать сбой в системах управления и наведения высокоточного оружия и тем самым значительно снижать боевой потенциал противника. Война с высоким использованием высокоточного оружия потребует существенного увеличения скорости добывания разведанных, сокращения времени для предупреждения об ударах противника, улучшения взаимодействия командиров всех степеней, маневренности войск, а значит, и эффективности всех видов информационного обеспечения. Самолеты, танки, ракеты, изготовленные с применением технологии «стелс» станут боевой основной техникой. Боевые действия с их участием, скорее всего, будут напоминать соревнование в скорости обнаружения и уничтожения и характеризоваться высокой интенсивностью и скоротечностью.

Китайские военные эксперты полагают, что «информационная война» не есть в прямом смысле война на поле боя, подготовкой к которой служат многочисленные маневры войск. Вооруженные конфликты последнего времени побудили их выделить черты, присущие «информационным войнам».

Во-первых, «прозрачность» поля боя. Оператор компьютера может осуществлять непрерывный контроль за ситуацией, наблюдать на дисплее точное расположение своих войск и войск противника.

Во-вторых, общая координация действий войск посредством создания единого канала управления для всех боевых подразделений и подразделений тылового обеспечения.

В-третьих, ведение боевых действий в реальном масштабе времени, т.е. немедленное реагирование на изменение боевой обстановки.

В-четвертых, точность и чистота ударов. Для победы в информаци-

онной войне необходимо оснащение вооруженных сил передовыми информационными технологиями. Такие вооруженные силы представляют собой новую категорию войск с самостоятельной теорией ведения боевых действий, особой организационно-штатной структурой, высоким уровнем подготовки личного состава и вооружения, полностью отвечающим требованиям информационной войны. По их мнению, США – единственная страна, где план создания подобной армии нового типа уже имеется на бумаге и постепенно воплощается в жизнь. **Более того, по-моему, он достаточно успешно применяется сейчас в Афганистане.** Боевые формирования, предназначенные для ведения «информационной войны», будут использовать технологии цифровой связи, целостную систему разведки и боевого управления, высокоточное оружие. Опыт учений, проводимых армией США, свидетельствует, что современные информационные технологии обеспечивают среднее время подлета боевых вертолетов, подготовку их к атаке цели от 26 до 18 минут; увеличивается процент поражаемости целей до 55-90. В целях приспособления к нуждам «информационной войны» организационно-штатная структура ВС претерпит изменения: численность сухопутных войск будет сокращаться, а в ВМС и ВВС расти; возможно, появятся новые виды вооруженных войск, такие как космические силы и информационно-компьютерные войска. Увеличится доля офицеров с инженерным образованием.

Возникает вопрос: а что же будет с тем количеством военнослужащих сухопутных сил, в которых отпадет надобность? Чем они впоследствии будут заниматься? Будут переквалифицированы в ВВС или отправлены на пенсию? Касательно России – из каких средств им будет выплачиваться пенсия, ведь количество освобождаемых мест представляется столь значительным? И это отнюдь не единственная проблема, с которой придется столкнуться российскому военному руководству. Конечно, государства, имеющие в своем боевом арсенале «информационное оружие», будут стремиться применить его по назначению. И это вполне понятно, поскольку данный вид оружия является собой последнее слово техники. Пугает совсем иное: какими нормами МГП регулировать подобные отношения? Ведь МГП не дает толкования понятию «информационной войны», не предусматривает какие-либо санкции за ее применение.

Эволюция мировых процессов диктует целесообразность развития норм международного гуманитарного права, их адаптации к новым

реалиям, устранения существующих пробелов. Однако делать это нужно не явочным порядком, а путем коллективного обсуждения и принятия соответствующих решений, причем не с «чистого листа», а на основе действующих норм международного права. Думаю, что вопрос, касающийся «информационной войны», пока остается открытым. Свою статью мне хотелось бы закончить словами Билла Клинтона: «Самые кровавые войны в истории человечества теперь останутся в уходящем столетии. У нас есть возможность начать все заново. Сможем ли мы воспользоваться этой возможностью ради мира? Готового ответа нет, его нужно создать усилиями наших действий. Если история это то, о чем мы читаем, то для наших детей историей будет то, что мы сейчас делаем. Так пусть же они прочтут когда-нибудь, что мы собирались вместе, чтобы сделать выбор, и сделали его в пользу изменения мира»¹².

¹² Капто А. Концептуальные основы культуры мира в XXI век // Безопасность Евразии. № 2. 2002.